

Н. О. Лосский. История русской философии. М., «Высшая школа», 1991, 560 с. Предисловие и комментарии В. А. Кувакина, М. А. Маслина.

В последнее время нередки републикации работ представителей русского философского зарубежья. К сожалению, качество большинства этих переизданий несоразмерно их количеству, о чем уже говорилось как в отечественных, так и в зарубежных рецензиях¹. Не является исключением и книга Н. О. Лосского «Исто-

рия русской философии», история издания которой отражает и день нынешний, и день минувший.

«История русской философии» была написана Лосским в конце 1940-х гг., переведена на английский язык его ученицей и постоянной переводчицей его философских текстов Н. Дэддингтон и вышла на английском языке в 1951 г. в Нью-Йорке, а затем в Лондоне. В 1954 г. в СССР с английского текста был сделан русский перевод, издан ничтожно малым тиражом издательством «Иностранная литература» и разослан по особому спи-

с. 164-168; Богословский А. Н. Газета «Русская мысль»: единство культуры поверх границы. — «Новый мир», 1992, № 1, с. 195.

¹ См. например, Колеров М. А., Плотников Н. С. О новых публикациях работ Н. А. Бердяева. — «Вопросы философии», 1990, № 9,

ску, так что с этим исследованием мог ознакомиться лишь очень узкий круг читателей. Поэтому можно было бы только приветствовать практически одновременное появление в 1991 г. в издательствах «Советский писатель» и «Высшая школа» «Истории русской философии», предназначенной широкой аудитории (а «научное издание» «Высшей школы» еще и рекомендовано для использования в учебном процессе), если бы не то обстоятельство, что в обоих случаях был просто воспроизведен текст 1954 г., весьма далекий от оригинала. Следовательно, специалистам эти издания просто неинтересны, а массовый читатель получает искаженный двумя переводами текст, к тому же снабженный в издательстве «Высшая школа» весьма спорными комментариями и предисловием.

Кстати сказать, ни в предисловии, ни в комментариях не упоминается о существовании русского оригинала, зато даны многочисленные ссылки на «технические причины» и «объективные условия», по которым даже этот текст «подвергается здесь правке только в самых необходимых случаях», причем «не ставилась задача атрибутировать все высказывания, цитаты и сноски, имеющиеся в тексте, была сохранена авторская манера цитирования и своеобразие в написании имен» (с. 521). Такой подход к работе с текстом приводит к серьезным недоразумениям; в списке работ Л. Карсавина для книги «Римский католицизм» есть редакционное примечание, поясняющее, что «название данной и нижеследующих книг, а также цитаты из них даны в переводе с английского языка» (с. 381). У доверчивого читателя создается впечатление, будто вышеприведенные названия указаны правильно (не в переводе же с русского на русский!), хотя в действительности названия книг до «Римского католицизма» искажены, а после — нет, что и отмечено в примечаниях, но только на с. 539. Какими из двух, независимо друг от друга существующих примечаний надо пользоваться? А «сохранение авторской манеры цитирования и своеобразие в написании имен» означает, по-видимому, не стремление дать преподавателям, аспирантам и студентам об-

разец научной работы, а просто нежелание сверить и атрибутировать цитаты. В тексте «Истории русской философии» обнаруживается значительное количество неверно приведенных цитат и высказываний, не всегда приводятся названия цитируемых книг, что лишь создает путаницу и никак не способствует «научности» издания². Возьмем хотя бы главу о Карсавине, где на одной только 388 странице приводится 12 цитат и ни одной верной. В. А. Кувакин и М. А. Маслин не были знакомы с русским оригиналом «Истории русской философии», поэтому узнать о «своеобразной манере автора в написании имен» могли только путем интеллектуальной (или мистической?) интуиции, которая, однако, согласно учению Лосского, весьма несовершенно проявляется в нашем греховном мире. Очевидно, что никакого «своеобразия» в написании имен у Лосского не было. Он просто называл действительные имена и фамилии, принадлежащие конкретным реальным людям: так, Б. Бабынин у Лосского — Б. Бабынин³, а не Б. Бабинин (с. 378) и не Б. Бабунин (с. 514). Пожалуй, лишь в написании иностранных имен встречаются расхождения с современными нормами: так, Лосский писал, к примеру, Мейстер Экгарт⁴, а не Майстер Экхарт, как сейчас принято и как приписывают ему нынешние издатели (с. 345).

Обращают на себя внимание и многочисленные неточности, допущенные в предисловии. Так, действительно, испытал влияние со стороны А. А. Козлова (неолейбнищанца) и А. И. Введенского (неокантианца), Лосский, однако,

² Лосскому была не свойственна такая вольная манера цитирования, но данное обстоятельство можно как-то объяснить работой в условиях эмиграции.

³ «Пути реализма». Сб. ст. М. 1926; Лосский Н. О. Интуитивизм и учение о транссубъективности чувственных качеств. «Записки русского научного института в Белграде». Белград, 1931, № 5, с. 120.

⁴ Лосский Н. О. Очерк философии С. Л. Франка. Глава из не напечатанной по-русски «Истории русской философии». — «Вестник РХД», 1977, № 121, с. 136.

не «эволюционирует от материализма к позитивизму» (с. 3), а, по его собственному признанию, очень быстро освобождается от материализма и переходит к противоположной ему крайности - панпсихизму⁵. Вопреки мнению В. А. Кувакина и М. А. Маслина, в Германию и Швейцарию Лосский поехал не продолжать изучение философии (с. 3) («После того, как я провел семь лет на двух факультетах, достигнув уже тридцатилетнего возраста, я вовсе не увлекался мыслью слушать лекции иностранных знаменитостей»⁶) у В. Виндельбанда, В. Вундта, Т. Мюллера⁷: он смотрел на свою командировку только как на предоставление «свободного времени для написания диссертации»⁸. Не «тесное общение Лосского с деятелями нового религиозного сознания (Н. Бердяев, С. Булгаков и др.)» (с. 4)⁹ было причиной его возврата к религии, а дальнейшая разработка философской системы в области метафизики, «когда в зрелом возрасте логический ход развития моих метафизических взглядов подвел меня к некоторым учениям (напр., о преображенном теле), которые оказались сходными с христианским миропониманием»¹⁰.

Требуют уточнения и обстоятельства жизни Лосского в 1945-1946 г., изложенные в предисловии следующим образом: «Во время освобождения Чехословакии Красной Армией в 1945 г. Лосский был захвачен чувством «вступ-

ления в какую-то родственную среду». Патриотизм русского мыслителя выразился в чтении им лекции в «Обществе советских патриотов*» в Париже и публикации статей в газете «Советский патриот». Консервативные круги эмиграции с раздражением восприняли эти шаги Лосского навстречу советской власти. Вскоре он переехал в США» (с. 5-6). Если внимательно прочитать «Воспоминания» Лосского, то мы увидим, что чувство «родственной среды» было достаточно мимолетным: то было чувство освобождения от «гнета гитлеризма, еще не сопутствовавшееся переживанием не менее страшного гнета большевистского режима»¹¹. Читая в «Воспоминаниях» о насилиях и грабежах, творимых советскими войсками в Братиславе, никак нельзя предположить «родственности» этих событий моральным установкам Лосского. В эпизоде с «Обществом советских патриотов» не следует усматривать каких-либо шагов навстречу советской власти: философ просто воспользовался дополнительной, неожиданно представившейся трибуной для пропаганды своего христианского мировоззрения¹², после чего, «напуганный ухаживанием советских деятелей» (а не негативной реакцией консервативных кругов эмиграции), с радостью уехал в США.

Среди мелких, но типичных неточностей следует отметить, например, то, что в Стэнфордском университете Лосский преподавал не в 1946 г., а в 1933 г. В 1946 г. он жил в г. Нью-Хэвене, находящемся на значительном расстоянии от Стэнфорда и т. д.

Весьма спорными являются также некоторые характеристики и оценки, содержащиеся в предисловии. Представляется чересчур односторонним отнесение философии русского зарубежья в разряд служанок религии и церкви (с. 8-9), особенно сомнительна аргументация по методу аналогии с марксистско-ленинской философией, превратившейся в служанку политики и официальной идеологии. Любопытно, что в

¹¹ «Вопросы философии», 1991, № 12, с. 134.

¹² Там же, с. 135-136, 151.

⁵ Лосский Н. О. Воспоминания. - «Вопросы философии». 1991, № 10, с. 182.

⁶ Там же, № 11, с. 119-120.

⁷ Не Т., а Г. Э. Мюллера. Кто такой Т. Мюллер?

⁸ Там же, с. 120.

⁹ Н. Бердяев и С. Булгаков жили в Москве, а Лосский - в С.-Петербурге, к тому же последний подробно не изучал русскую философию до 1923 г. и испытывал влияния преимущественно западной философской мысли. (Кстати, С. Н. Булгаков был бы чрезвычайно возмущен тем, что его назвали «деятелем нового религиозного сознания», проповедовавшего его антагонистом Д. С. Мережковским. — Ред.)

¹⁰ Письмо к Е. Г. Бер. Из архива Н. О. Лосского. - «Минувшее», № 6. Париж, 1988.

1956 г. Лосскому уже приходилось защищаться от подобных обвинений. Советские философы писали тогда, что «лакей подобострастно смотрит в глаза своему господину и, чтобы угодить ему, готов расшибиться в лепешку». «Менялись времена и события, менялись хозяева, а лакеи, как бы они ни называли себя — «интуитивистами» или «мистическими реалистами», — так и оставались лакеями с их готовностью служить тому, кто платит». Лосский так отвечал на эти выпады: «За перевод русского текста моей «Истории русской философии» на английский язык я заплатил 700 долларов (в то время я был профессором Свято-Владимирской Духовной Академии в Нью-Йорке и получал небольшое жалование от этого бедного учреждения), а от издательства, напечатавшего мою книгу на трех языках, я получил до сих пор 370 долларов и, без сомнения, мой расход на перевод никогда не будет возвращен сполна. Живя в условиях максимально доступной человеку свободы, мы работаем, руководясь любовью к исканию истины, и труд наш чаще всего скудно оплачивается, а иногда и вовсе не оплачивается. Что же касается советских философов, авторов статей в «Коммунисте», то они заботятся не об истине, а о выполнении «социального заказа» и трепещут, зная, что если они плохо выполнят его, то могут стать «доходягами» в концентрационном лагере»¹³. В 40-50 гг., выполняя партийный заказ по борьбе с космополитизмом и представляя ленинизм вершиной развития мировой философии, советские философы издали ряд сборников (с. 8)¹⁴, чудовищно искажавших реальный процесс развития философской мысли в России. Стоит ли теперь В. А. Кувакину и М. А. Маслину вспоминать о пресловутой «щипановской» концепции, а тем более открыто заявлять об «определен-

13 Лосский Н. О. Ответ советским критикам «Истории русской философии». — «Грани», 1956, № 30, с. 181.

14 Здесь приведен достаточно полный перечень этих произведений.

ных достижениях» и «значительных шагах вперед» (с. 8) марксистской историографии в этот, да и последующие периоды?¹⁵

Вряд ли можно согласиться с авторами предисловия в том, что книгу обедняет «отсутствие разделов, посвященных мировоззрению М. В. Ломоносова, философии русских просветителей XVIII - нач. XIX в., а также Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого» (с. 13). Лосский не делает здесь шага назад по сравнению с Н. А. Бердяевым и Г. В. Флоровским, а скорее наоборот, впервые пытается более или менее целостно исследовать русскую *профессиональную* философию.

Признавая определенные недостатки методологических позиций Лосского как историка философии, надо иметь в виду, что, с одной стороны, задача книги состояла в том, чтобы «изложить и подвергнуть критике христианское миропонимание современных русских философов»¹⁶, а с другой — показать и доказать существование русской национальной чисто философской традиции¹⁷. Из этих ис-

15 Если в 40-50 гг. только пропагандировалась материалистическая традиция в русской философии, то позже предпринимались и попытки «марксистской» критики русской религиозно-идеалистической философии (в частности, в книгах В. А. Кувакина «Критика экзистенциализма Бердяева» (М., 1976) и «Религиозная философия в России» (М., 1980), до сих пор предлагаемых им в качестве дополнительной литературы по изучению творчества Бердяева, Булгакова, Мережковского, Шестова (см. рецензируемую книгу, с. 536, 537, 543, 547) и находящихся вообще за пределами научного исследования).

16 Лосский Н. О. Воспоминания. - «Вопросы философии», 1991, № 12, с. 94.

17 Отвечая на упреки в том, что в его книге Герцену и Бакунину отведено гораздо меньше места, чем, например, о Сергию Булгакову, Лосский так аргументирует свою позицию: «Если бы я писал историю русской мысли вообще, я должен был бы уделить много места Герцену и Бакунину; но моя книга есть история лишь одной области русской мысли, именно философии, а в подлинную философию, в гносеологию и метафизику Герцен и Бакунин ровно ничего не внесли» (там же, с. 140). См. также главу «Характерные черты русской философии» в книге «История рус-

ходных предпосылок становится понятным отсутствие многих персоналий, традиционно зачисляемых в разряд философов, а также «пренебрежительное и поверхностное освещение русских материалистов» (с. 15), включенных в книгу, скорее всего, только для того, чтобы дать западному читателю представление об общей духовной атмосфере России девятнадцатого века. Если русскими материалистами Лосский действительно никогда не интересовался, то творчество Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого отнюдь не выпадало из поля его зрения.

Отмечая несовершенство Л. Н. Толстого как философа, Лосский неоднократно обращался к его гениальной личности и произведениям¹⁸, а вскоре после «Истории русской философии» выпустил большую книгу «Достоевский и его христианское миропонимание» (Нью-Йорк, 1953), составленную на основе курсов лекций «Философия Достоевского».

Вряд ли «в своей реконструкции отечественного историко-философского процесса Лосский опирается на работы таких выдающихся историков русской мысли, как Г. В. Флоровский и Н. А. Бердяев» (с. 12). Лосский не изучал специально источники и историографию русской философии, в книге практически не ведется полемика с Бердяевым, Флоровским или В. В. Зеньковским. «Русская идея» Бердяева освещает основные проблемы истории русской мысли (философичной, но не обязательно философской). «Пути русского богословия» Г. Флоровского в значительной степени разошлись с путями русской философии, и Лосский рекомендует эту книгу для самостоятельного изучения тем читателям,

ской философии» и статьи: «Правда ли, что русская философия не научна?» («Новое Русское Слово», 1 июня 1952), «Правда ли, что русская философия не самостоятельна?» - (там же, 10 августа 1952). 18 См. Лосский Н. О. Нравственная личность Толстого. «Логос», 1911. Вып. 2, № 1. с. 179- 192; его же. Л. Н. Толстой как художник и мыслитель. — «Современные записки», Париж, 1928, № 37, с. 234-241; его же. Л. Н. Толстой как тайновидец и плоти и духа. — «Русская мысль», 17 ноября 1960, № 1605, с. 6.

которые захотят ближе познакомиться с русской культурой, религиозной жизнью и религиозной мыслью.

Только в «Историях русской философии» Н. О. Лосского и В. В. Зеньковского впервые¹⁹ предпринимаются попытки критического исследования *собственно философской проблематики* в истории русской мысли.

Лосский сознательно не освещает, в отличие от В. В. Зеньковского, историю русской философии «во всем ее объеме»²⁰, его исследовательские интересы сосредоточены главным образом на фигурах тех мыслителей, чьи взгляды были более или менее систематично разработаны в гносеологии и метафизике, а критикуя их философские позиции и христианское мировоззрение, Лосский ставил перед собой цель показать правильность и преимущества своего интуитивизма и персоналистического идеал-реализма. Учитывая особенности русской философии, помноженные на субъективные пристрастия Лосского, следует весьма осторожно подходить к рассмотрению его «Истории русской философии»* как учебного пособия по всей истории русской философии. Думается, что гораздо более объемная, систематичная и глубоко проработанная одноименная книга В. Зеньковского сегодня могла бы стать гораздо лучшим учебником.

Не вдаваясь в подробный анализ комментариев, которые, в сущности, ничем не помогают пониманию текста, а лишь, как правило, повторяют «Философский энциклопедический словарь», нельзя все же пройти мимо некоторых оценочных суждений.

Непонятно, например, стремление авторов во что бы то ни стало предста-

19 Если не считать «Очерк развития русской философии» Г. Г. Шпета (Пг., 1922, ч. 1), охватывающий период примерно до середины XIX в. В предисловии к книге автор просил читателей и критиков не торопиться с оценками, поскольку «что я скажу о русской философии дальше, того они не знают». Сохранившиеся в архиве Г. Г. Шпета материалы обрываются на характеристике В. Соловьева.

20 Зеньковский В. В. История русской философии. Париж, 1948, т. I, с. 13.

вить русских философов уважительно относящимися к дарвинизму, что приводит порой к передержкам. Так, по мнению В. А. Кувакина и М. А. Маслина, нет оснований утверждать, как это делает Лосский, что Чернышевский относился к Дарвину «с величайшим презрением». «Резко критической на самом деле является у Чернышевского, — пишут комментаторы, — оценка не Дарвина, а Мальтуса, который характеризуется как подлинный автор идеи «благотворности борьбы за жизнь». Личность Мальтуса как ученого и политика не вызывает у Чернышевского симпатий («Мальтус нам не мил и не авторитетен»). Дарвина же он называет «честным, чрезвычайно благородным человеком», обладающим качествами «великого ученого» (с. 523). В действительности Лосский пишет, что Чернышевский относился «с величайшим презрением к теории Дарвина» (с. 87), а не к его личности. Оценивая Дарвина как «великого ученого», Чернышевский, в свою очередь, отмечал его «ребяческую наивность», «погоно за мелочными и

посторонними вопросами», пробелы в специальных знаниях и т. д., и, хотя «Мальтус нам не мил и не авторитетен», все-таки «таких мерзостей (как Дарвин) он не внушал»²².

Оставляя в стороне заявление авторов о «явной архаичности» предпринятого Лосским анализа марксистской философии, нельзя все же удержаться от недоумения, когда в качестве одного из аргументов в пользу «высокого уровня философских исследований в СССР» приводится цитата из Дж. Скенлена о «всестороннем и исключительном влиянии», которое «марксистско-ленинская философия оказывает на сознание советских граждан» (с. 548) (!) А может, и вправду так? По крайней мере, следы этого влияния еще заметны в разбираемых предисловии и комментариях.

П. Б. Шалимов

21 Чернышевский Н. Г. Происхождение теории благотворности борьбы за жизнь. В кн.: Чернышевский Н. Г. Избранные философские сочинения. Т. 3. М., 1951, с. 679.

22 Там же, с. 686.